

НАСЛЕДИЕ • HERITAGE

Статья

Н. А. Рубакин

Русские читатели и их обстановка

Аннотация. Статья Николая Александровича Рубакина (1862–1946) впервые была опубликована в журнале «Вестник знания» в двух первых номерах за 1905 г. Это переработка лекции, прочитанной в Пензе. Автор аргументирует актуальность выбранной темы и ее практический интерес. Он считает, что история чтения – это история общественной мысли, критики, творчества, отношений к различным культурным запросам и новшествам начала XX в. Читатель, по мнению Н. А. Рубакина, один из главных деятелей общества. На основании переписки с читателями, периодической печати, статистики и других источников даны количественные и качественные характеристики русского читателя; выявлены причины, влиявшие на показатели читательского роста и представлены проблемы, препятствовавшие ему. К последним автор относит законодательные нормы, экономические и социальные факторы. Оптимизм автора связан с «интеллигентными читателями», которые распространяли свое влияние.

Ключевые слова: Н. А. Рубакин, журнал «Вестник знания», изучение читателей, история чтения, методы изучения читателей

Для цитирования: Рубакин Н. А. Русские читатели и их обстановка / Н. А. Рубакин ; подготовка к публикации, комментарии и предисловие О. В. Моревой // Книга. Чтение. Медиасреда. 2023. Т. 1, № 1. С. 52–63. <https://doi.org/10.20913/BRM-1-1-7>.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023

Получена после доработки 30.05.2023

Принята для публикации 16.08.2023

N. A. Rubakin

Russian Readers and Their Environment

Abstract. The article by Nikolai A. Rubakin (1862–1946) was first published in the journal *Bulletin of Knowledge* in 1905. This is a reworking of a lecture given him in Penza. The author argues the relevance of the chosen topic and its practical interest. He believes that the history of reading is the history of public thought, criticism, creativity, attitudes to various cultural demands and innovations of the early 20th century. According to N. A. Rubakin the reader is one of the main figures of society. The author gives quantitative and qualitative characteristics of Russian reader based on correspondence with readers, information from periodicals, statistics and other sources.

Keywords: N. A. Rubakin, V. V. Bitner, the journal *Bulletin of Knowledge*, reader studies, history of reading, methods in reader studies

Citation: Rubakin N. A. Russian Readers and Their Environment / N. A. Rubakin ; preparation for publication, comments and preface by O. V. Moreva // Book. Reading. Media. 2023. Vol. 1, № 1. P. 52–63. <https://doi.org/10.20913/BRM-1-1-7>.

Received 03.04.2023

Revised 30.05.2023

Accepted 16.08.2023

Предисловие

Статья Николая Александровича Рубакина (1862–1946) «Русские читатели и их обстановка» была опубликована в журнале «Вестник знания» в двух первых номерах за 1905 г. В начале публикации указано, что статья была переработкой лекции, прочитанной в Пензе. Н. А. Рубакин стоял у истоков журнала, так как именно с ним советовался начинающий издатель В. В. Битнер (1865–1921) (*Десять лет культурной работы*, 1913, с. 9). В дальнейшем Николай Александрович активно сотрудничал с «Вестником знания», выступал в качестве переводчика и автора научных и научно-популярных статей, из которых состоял журнал. Кроме того, в журнале рецензировались его книги, а в ответах на вопросы подписчиков члены редакции и главный редактор часто ссылались на труды Н. А. Рубакина и рекомендовали их своим читателям. Николай Александрович высоко ценил работу журнала на «ниве Просвещения»: ««Вестник знания» – первый русский научный журнал, который нашел в себе доступ в широкие круги читающей России, <...> который так сумел организовать свое общение с личностью читателя, как до него еще никто не умел» (*Десять лет культурной работы*, 1913, с. 56).

«Вестник знания» (1903–1918) – ежемесячный иллюстрированный литературный и популярно-научный журнал с приложениями для самообразования был самым удачным проектом Вильгельма Вильгельмовича Битнера. Количество подписчиков увеличивалось год от года, если первоначально их было 900 (*Десять лет культурной работы*, 1913, с. 9), то позднее – несколько десятков тысяч (*Власов*, 2012). Успех позволил издателю реализовать другие просветительские проекты. За все годы работы журнала было издано для самообразования свыше

100 приложений – книг русских и иностранных авторов по всем отраслям знания (*Библиография периодических изданий*, 1958, с. 185). В. В. Битнер угадал тренд на самообразование, который сформировался в период Великих реформ. В это время в Российской империи представители научного сообщества, интеллигенции, благотворители активно занимались деятельностью, направленной на развитие начального народного образования, разрабатывались специальные программы по самообразованию, инициировались специальные книжные проекты и т. п.¹ В. В. Битнеру удалось не только увеличить количество подписчиков, но и «объединить их духовно в одну идейную семью, члены которой помогали друг другу словом и делом и вместе шли к одной общей цели “учиться и учить других”» (*Десять лет культурной работы*, 1913, с. 14)².

В статье «Русские читатели и их обстановка» Н. А. Рубакин писал о «громадном научном социологическом интересе» изучения «читающей публики», который включал, по его мнению, и практический интерес. На основании своей обширной

¹ См., например: Программы домашнего чтения на первый год систематического курса / Комис. по орг. домашнего чтения, состоящая при Учеб. отд. О-ва распространения технических знаний. Изд. 5-е, испр. и доп. Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1900. XVI, 234, [6] с.; Санкт-Петербургский комитет грамотности, состоящий при Вольном экономическом обществе (1861–1881) / сост. С. Миропольский. Санкт-Петербург : типо-лит. Дома призрения малолет. бедных, 1881. 31 с.; Отчет Издательской комиссии Санкт-Петербургского общества грамотности за 1907 год. Санкт-Петербург, [1908]. 58 с.

² Подробнее об этом см.: Морева О. В. Содружество читателей «Вестника знания» (1903–1918) – пример успешной коммуникации редакции журнала с аудиторией // Библиосфера. 2023. № 3. С. 20–27. <https://doi.org/10.20913/10.20913/1815-3186-2023-3-20-27>

переписки с читателями из разных социальных слоев и возрастных групп, периодической печати, статистики «по изменению процента грамотных», «отчетов об устройстве народных чтений» и других источников он дал количественные характеристики «русской читающей публики». Писал ученый и о качественной стороне «читательства», которое по его мнению, «не поддается никаким урегулированиям и “нормировкам”». Кроме того, он рассматривал причины, влиявшие на показатели читательского роста, отмечая увеличение количества девочек среди учащихся, что, по его мнению, имело «весьма большое и плодотворное влияние на развитие грамотности» (сравни об этом В. В. Розанов: «Какова женщина, такова есть или очень скоро станет вся культура» (Розанов, 1992, с. 179)). Во второй части Н. А. Рубакин очертил круг проблем, которые препятствовали росту читателей (и количественному, и качественному). Это, по его мнению, «допустительные» каталоги, трудности в экономике и социальный фактор или «обществен-

ная среда», которая «оказывала сопротивление нарастанию читателей». В заключении «Лоцман книжного моря»³ все же с оптимизмом указывал на то, что «отзывчивые интеллигентные читатели выбиваются из всяких “условий” и растут “при всяких условиях”, и не только идут вперед сами, но и ведут за собой и других». «Ведущими за собой» были и подписчики журнала «Вестник знания», с ними и подобными им был связан оптимизм ученого.

Статья Н. А. Рубакина публикуется по современным правилам русского языка с сохранением стиля и отдельных слов и выражений («нарастание», «читательство» и пр.). Все сокращения расшифрованы в квадратных скобках, примечания автора и комментарии публикатора даны в подстрочных ссылках.

Подготовка к публикации, комментарии
и предисловие О. В. Моревой

Список источников / References

Десять лет культурной работы журнала «Вестник знания»: 10. 1903–1913. Санкт-Петербург : Вестн. знания, 1913. 224 с. [(1913) Ten years of cultural work of the journal "Vestnik znaniya" ("Bulletin of Knowledge"): 10. 1903–1913. Saint-Petersburg: Vestn. znaniya. (In Russ.)].

Власов Д. В. Издатель В. В. Битнер и его сотрудничество с эсперанто-движением // Медиаскоп. 2012. № 4 [Vlasov DV (2012) Publisher V. V. Bitner and his cooperation with the Esperanto movement. *Mediascope* 4. (In Russ.)]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1177> (дата обращения = accessed 14.02.2023).

Библиография периодических изданий России, 1901–1916. Т. 1. А–З / под ред. В. М. Барашенкова [и др.]. Ленинград, 1958. 661 с. [Barashenkov VM [et al.] (eds.) (1958) Bibliography of periodicals of Russia, 1901–1916. Vol. 1. Leningrad. (In Russ.)].

Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. Москва : Республика, 1992. 397 с. [Rozanov VV (1992) Religion. Philosophy. Culture. Moscow: Respublika. (In Russ.)].

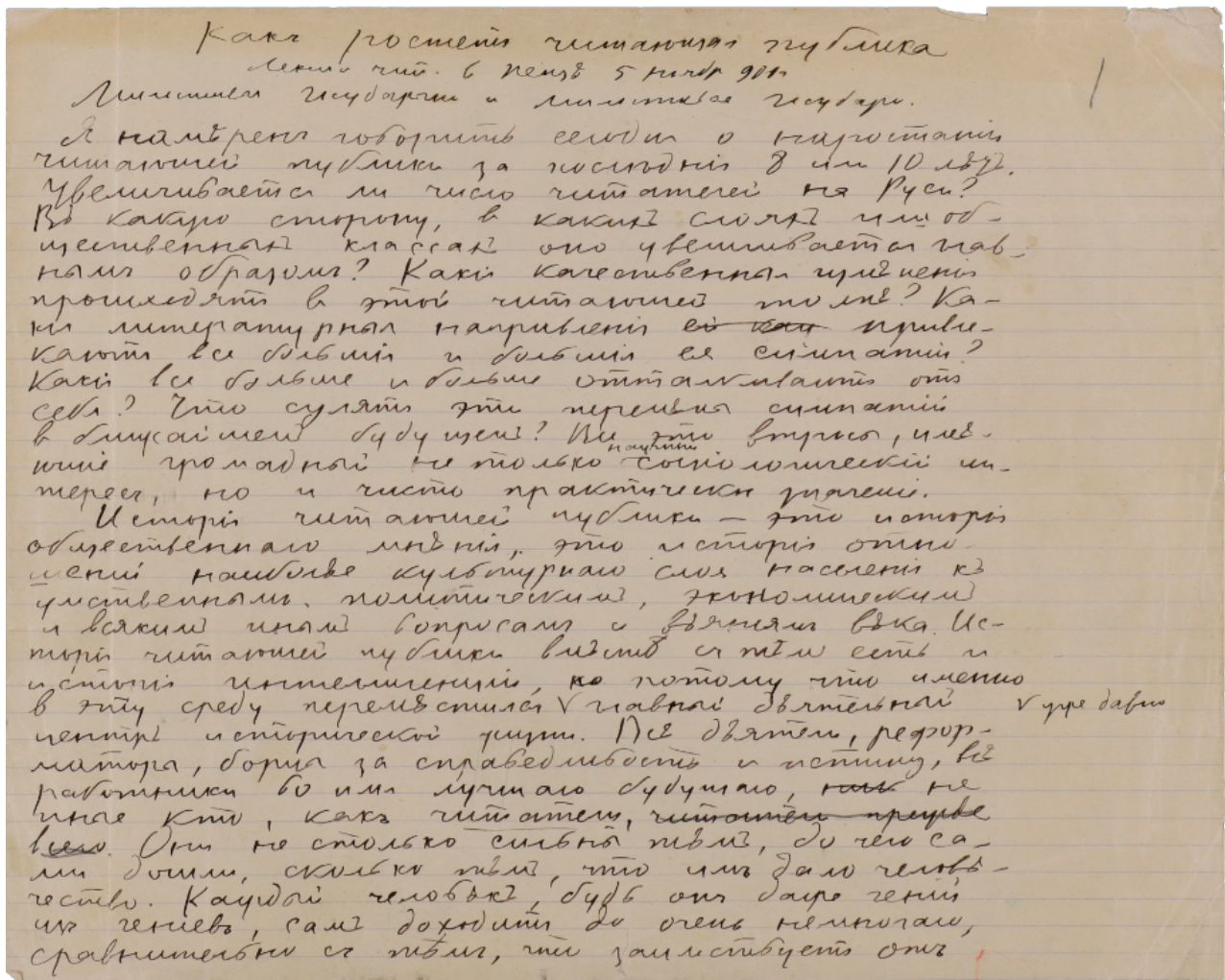
³ «Лоцман книжного моря» – так называется монография, посвященная жизни и творчеству Н. А. Рубакина (Рубакин А. Н. Рубакин: (Лоцман книжного моря). Москва : Молодая гвардия, 1967. 176 с.).

Н. А. Рубакин

Русские читатели и их обстановка⁴

Изучение читающей толпы в разные исторические моменты, в разных слоях общества, в разных его проявлениях имеет громадный научный социологический интерес, не говоря уже о чисто практических выводах, которые сами собой вытекают из этого изучения. История читающей публики – это история общественного мнения, история критической и творческой мысли, история отношений наиболее культурного слоя населения к умственным, религиозным, политическим, экономическим и всяким иным запросам и веяниям века. История «читающей публики» – это история интеллигенции, потому что именно в эту читательскую среду уже давно переместился главный, «деятельный» центр исторической жизни всех цивилизованных обществ.

Все современные общественные деятели, реформаторы, борцы за справедливость и истину, все эти выразители общественного сознания, – никто иной, как читатели, т. е. люди, поднявшиеся над толпой при помощи книги, посредством книги, подчёркнувшие в огромном большинстве случаев из книг знания, понимание, а нередко даже и тот святой огонек, который помог им так подняться над жизнью и заставляет их переделывать ее. Каждый человек, будь он даже гений из гениев, доходит силами собственного ума и опыта до ничтожно малого сравнительно с тем, что он заимствует из книг и что создано в течении всей исторической жизни человечества. Совокупность книг, совокупность того, что когда-либо и где-либо

Рукопись статьи Н. А. Рубакина
The manuscript of N. A. Rubakin's article

Источник: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 358. К. 1. Д. 19. Л. 1.

⁴ Статья эта представляет собою переработку первой половины публичной лекции, читанной автором в г. Пензе (Примечание Н. Р.).

написано или напечатано или ходит в народной толпе в виде устных вариантов, самостоятельно сложившихся или заимствованных из книг, т. е. литература в широком смысле слова, эта своего рода духовная копилка человечества, или бассейн, куда стекаются, капля за каплей, ручеек за ручейком, труды накапливающей, творческой, анализирующей мысли как толп, так и ее представителей и выразителей из разных стран, времен и рас, людей разных общественных классов, разных возрастов, и женщин, и мужчин. Один начетчик, слесарь, в своих рукописных «Размышлениях о литературе», присланных на мое имя, посвящает этому «бассейну человеческого знания, понимания и настроения» нижеследующие трогательные и горячие строки. «Каждый человек, – пишет этот «читатель из народа», – кто бы он ни был, никак не может без этого бассейна обойтись. Каждый желающий может из него черпать, что ему нужно. Этот бассейн и был, и есть, и будет достояние общественное, принадлежащее всем, а не кое-кому. И нет, и не было никогда такой силы, которая навсегда бы могла отгородить и отогнать от этого бассейна человеческую толпу. Приди всякий желающий – и черпай. Вы, униженные и обиженные, узнаете и поймете, что и кто мешает устройству лучшей жизни на земле; вы, довольные и сытые, услышите и узнаете то, чего не видно и не слышно вам из-за толстых и разукрашенных ставен ваших каменных палат. Вы, верящие в непреодолимую силу вечной Истины, узнаете, сколько светлых, чистых и святых сил сделались жертвами во имя ее; вы почерпнете здесь энергию, чтобы во имя Истины идти хоть на смерть; вы, мечтатели, чающие скорого наступления царства Божия на земле, увидите здесь же, около вас, уже намеченные дороги к этому счастью. Наконец вы, жившие и живущие одною узенькой, личной жизнью, увидите и узнаете, что есть и другая жизнь, – жизнь мысли и борьбы, и что только эта жизнь дает и может дать истинное, высшее счастье, глубокое, захватывающее, необъятное, рядом с которым это ваше личное и семейное счастье покажется вам возмутительно жалким и ничтожным». И правда, вода, заключенная в «духовном бассейне человечества», обладает одним удивительным свойством: она нарушает самодовольный покой. Мало-мальски свежий, живой человек, сделавшийся читателем и хоть немного, но искренне думающий над тем, что он читает, в конце концов непременно начинает чувствовать какое-то внутреннее беспокойство: окружающее перестает его удовлетворять; является жажда чего-то большего; чего-то лучшего, все более и более высокого, чистого и светлого. Человек сознает все яснее, что за пределами его маленькой жизни есть другая, более глубокая

и плодотворная жизнь; за пределами его мысли есть иное мирозерцание, более устойчивое, чем его; за пределами его чувств и настроений – другие, быть может, более широкие и гуманные. Один мой знакомый, рабочий, которого я, кстати сказать, никогда не видал в глаза, но с которым переписываюсь уже несколько лет, следующими четырьмя строками характеризует свое читательское настроение, охватившее его душу после того, как он вкусил живой воды из «духовного бассейна человечества». Рабочий пишет в своем письме:

Почему такой тоскою вся душа моя объята?

Почему так грозно светит Вечной Правды огонек?

Почему я жду чего-то? Почему стремлюсь куда-то?

Почему так чужд земле я и – от неба так далек?

Это четверостишие в высшей степени характерно. Тут и святая тоска, охватившая душу; тут и неудовлетворение окружающим; тут и сознание, что есть на свете Вечная Правда, которая предъявляет к каждому человеку, кто бы он ни был, свои суровые, но справедливые требования, и которая требует, чтобы человек не сидел сложа руки, а боролся во имя лучшего будущего. Тут и ожидания, и стремление, тут, наконец, и сознание своей оторванности от того мирка, от того строя, который держится на принципах, несомненно, глубоко несправедливых... Оторванность от земли, при сознании невозможности достигнуть неба, т. е. того, что считаешь идеалом, – состояние действительно мучительное. Но ведь это и есть настоящее читательское настроение; это и есть то, к чему должно приводить чтение всякую мало-мальски отзывчивую живую душу. Без «отрицания земли» и без стремления к лучшему будущему никогда не настанет никаких улучшений ни в общественной, ни в личной жизни. Недовольство и сомнение в том, что есть, ведет к поискам того, что должно быть. Только тот способен увлечь к небу и другим, кто сам стремится туда. Недовольство ведет к знанию, пониманию и предвидению; предвидение и настроение ведут к действию. Это небольшое видоизменение известного афоризма Огюста Конта достойно глубокого внимания до сего дня.

Итак, займемся же читающей публикой, русской читающей публикой, и постараемся ответить хоть на некоторые из выше поставленных вопросов. Постараемся прежде всего определить, так сказать, валовое количество читателей на Руси и размеры нарастания их за последнее десятилетие.

О количестве читателей и о нарастании их можно судить до некоторой степени по данным распространения грамотности и по изменениям процента грамотных. Попробуем определить

их количество по расширению круга людей, которые имеют возможность быть читателями, т. е. круга грамотных людей. Каждый грамотный – в большей или меньшей степени – читатель. Но это определение, в сущности, не так точно, как оно кажется с первого раза. С одной стороны, число людей, считающихся грамотными, несколько меньше числа действительных читателей, потому что рецидивизм безграмотности в иных уголках России до сего времени несомненный факт. С другой стороны, за последнее время наблюдается очень интересное явление: увеличивается число таких неграмотных лиц, которые тем не менее пользуются книгой и получают свои знания не из иного источника, а из книги. Да, и неграмотные пользуются книгой, но только на свой лад, очень своеобразно. Рецидивизм безграмотности до сего времени энергично поддерживается целым рядом причин и сложнейших общественных отношений, которыми, словно огромной сетью, окутана деревенская беднота. Об этих причинах, обуславливающих рецидивизм безграмотности, мне придется еще говорить ниже, когда будет идти речь о причинах, влияющих на расширение и сужение читательских кругов. Что касается нарастания читателей неграмотных, на этом следует несколько остановиться. Таких неграмотных читателей, которым строй жизни помешал научиться читать, нужно считать по меньшей мере многими миллионами. Просмотрите, например, отчеты об устройстве народных чтений не только в деревнях, но даже в городах и столицах; обратите внимание, какой громадный успех имеют эти чтения, можно сказать, везде, за немногими исключениями, зависящими никак не от народа, а от устроителей и от тех тяжелых условий, в которые поставлено дело чтений, – и вы увидите, что послушать эти чтения всюду стекаются огромные толпы. Среди них множество женщин, процент грамотности которых, как известно, очень невелик; тут и шумные толпы детей, еще не успевших научиться грамоте или имевших несчастье остаться за дверями школы. Тут и старики, живые свидетели тех времен, когда школы считались в деревне большою редкостью. Отчеты же свидетельствуют о посещении народных аудиторий, особенно в деревнях и на фабриках, множеством неграмотных крестьян и рабочих, фабричных и заводских. И эти неграмотные «читатели» слушают чтение, быть может, еще с большим вниманием и напряжением, чем те, кто может прочесть любую книжку без чужой помощи. Еще более рельефно иллюстрируется этот неграмотный читатель, страстно стремящийся к книге появлением особых добровольных чтецов, которые снискивают себе даже хлеб насущный посред-

ством чтения неграмотному и грамотному народу каких-нибудь интересных книг. Такие чтецы теперь не редкость. О них появляются известия из разных мест. Так, например в Харькове, по словам местных газет, функционирует особый тип бродячих чтецов газет. «Люди эти большею частью неудачники, отставные мелкие чиновники. По добровольному соглашению эти чтецы разделили площадь базара на несколько участков, и в каждом участке promышляет свой особый «участковый чтец». Едва только рассветает, как эти чтецы, жалкие по внешности, худые и изможденные, появляются на базаре. Дрожа от стужи, эти люди снуют между торговками и другим пришлым на базар людом и предлагают желающим «почитать». В охотниках послушать недостатка нет. Собирается группа в 8–10 человек, которые и располагаются вокруг чтеца. Последний взывает с каждого слушателя по копейке. Сами платные слушатели строго следят за тем, чтобы в их числе не было даровых слушателей. Лишь только к кучке приближается новое лицо, чтец прерывает чтение и предлагает этому лицу тоже заплатить копейку. Если раздается возражение, то платные слушатели нападают на пришедшего и предлагают ему убраться подобру-поздорову и им не мешать. Чтение часто сопровождается разъяснениями чтеца. Если оно возбуждает в слушателях большой интерес, то чтец, не стесняясь, требует прибавки» (С[ын] От[ечества]⁵). «Дневная выручка таких нищих-чтецов доходит до рубля и более, не считая провизии, которую они тоже берут при случае вместо гонорара». На этой же почве начали практиковать в последнее время и нищие дети, судя по некоторым признакам, побывавшие не то в младшей группе школы, не то в яслях. Одеты они в старые заплатанные одежды. Лица у них вымыты, головы расчесаны. Они заходят во дворы и предлагают там играющей детворе «за копейку рассказать сказочку», выхваченную из «Родного Слова» или прочитать «стих». Собирается толпа детей и перед нею нищие-чтецы, сами дети, как умеют, выкладывают свои познания: говорят сказочки, декламируют стихи, поют известную школьную песню

⁵ «Сын Отечества» – ежедневная газета политическая, литературная и ученая (Санкт-Петербург, 1862–1901). Газета была рассчитана на массового читателя. В ее программу входили официальные, придворные известия, иногородние и иностранные новости (преимущественно перепечатки из официальных изданий), литературные новости, обзор журналов, общественные дела, коммерческие известия, ценники (Примечание О. М.).

о «Грибе боровике»⁶. Из Екатеринослава писали в 1901 г. в «Образование»⁷, что там работал какой-то босяк, который превосходно читал вслух «книжки» и зарабатывал таким способом деньги. Чтение происходило обыкновенно в чайной попечительства трезвости, которая находится на большом базаре и постоянно полна народом. «При чайной имеется библиотека-читальня. Босяк-чтец не только читает книги вслух, но и сам выбирает их для своих неграмотных слушателей, решая самолично, какая книга им подходит, какая нет. Слушают его обыкновенно несколько человек посетителей». Такие же чтецы ходят по фабрикам и деревням. Таким же «просветительным делом» занимаются иной раз и рабочие, которые в ожидании заработка читают книги вслух. Случается, что книга, выбранная ими, недоступна пониманию слушателей; тогда чтецы превращаются в рассказчиков и пересказывают книгу своими словами, снабжая ее комментариями, подходящими к данному случаю и к данной аудитории. Один такой чтец-начетчик, бывший ткач, рассказывал мне в 1902 г., что он «жил месяца три таким способом и пропитался чтением и еще осталась малая толика на дорогу». Не менее своеобразно стремление неграмотных людей добиваться знаний и понимания посредством картинок. – Представьте себе такую сценку. В криворожской библиотеке берет книгу какой-то мальчик. Оказывается, этот мальчик совсем не умеет читать. – «На что же ты берешь книгу? спрашивает библиотекарша, коли не умеешь читать – так ведь тогда нельзя и книги брать (!!) – Чого? – спрашивает мальчик, – вжеж сегодня аж два таких взяло кныгы, що не вмиют читать, та на нашей вулицы бильшь кныжок у ныграмотных; значыт, и мини можно брать, буду хочь на картынки дывытысь». Мальчик взял книгу и ушел⁸ (Приднестр[овский] кр[ай]⁹). Все эти факты очень своеобразны. Толпа неграмотная, отрезанная от школы, отрезанная

от книги, тем не менее тянется к книге, ловит всяким способом знания, заключенные в книгах, затрачивая на эту ловлю такую массу напряженного умственного труда, о каком мы, быть может, не имеем даже понятия. А в настоящее время, когда даже самые глубокие слои населения захвачены и придавлены массовыми бедствиями, нагрянувшими на них, – ужасами войны¹⁰ и голодовки, – стремление к книге, к газете и даже к «устной народной словесности» какого-нибудь прохожего рассказчика делается все напряженнее по сие время, и чем больше бедствий сыплется на народ, тем напряженнее. Принимая в расчет, что слушание явление развитое, мы должны прийти к выводу, что читателей на Руси, надо полагать, существует больше, чем грамотных людей. Другими словами, читательское настроение нарастает и за пределами читательских кругов. По вышеприведенным же фактам до некоторой степени можно судить о той потенциальной читательской энергии, которая существует и все накапливается в народной среде. Это-то напряжение и гонит толпу взрослых и малолетних в школы, оно же заставляет родителей гнать туда и своих детей; оно же выдвигает вперед миллионы самоучек, на которых уже давным-давно надо перестать смотреть, как на какое-то особенное явление, тогда как это явление массовое, развитое и обычное. Встречая этих самоучек, в сущности, надо не радоваться, а горевать, – горевать о том, что малограмотность русского народа, в значительной степени, явление искусственное, и если процент грамотных еще невысок, то лишь потому, что люди, благодаря известным условиям, делаются или остаются неграмотными насильно, против их воли, а не потому, что они сами хотят быть таковыми.

Из предыдущего же следует еще вот что: вопрос о наростании читателя решается сам собой. Читатель не может не наростать. Читатель не может оставаться в одном и том же числе. Читающая публика не может не увеличиваться все быстрее и быстрее. Это явление массовое, это явление стихийное, наблюдавшееся во всемирной истории человечества уже бесчисленное множество раз. И если бывали где-нибудь в этом необходимом и естественном процессе какие-либо – не говорю остановки, а замедления, – всегда были у этих замедлений свои искусственные и очень недолговечные причины. Читающая толпа может только увеличиваться и расти, и она увеличивалась бы даже тогда, если бы вдруг почему-либо остановился приток новых книг и если бы были вдруг уничтожены все школы и все читальни: их тотчас же заменило бы чрезвычайное ускорение круговорота

⁶ Русская народная прибаутка о том, как гриб боровик звал другие грибы на войну, ее текст в разных вариантах был включен в книги для чтения (Гриб // Ушинский К. Д. Родное слово : год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения с прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками в тексте : для детей мл. возраста / сост. К. Ушинский. Санкт-Петербург : тип. Роговского и К°, 1864. С. 48; Ислентьев В. А. Букварь и первая учебная книжка для начальных народных училищ / сост. Владислав Ислентьев, инспектор нар. уч-щ Елабуж. уезда. Казань : Елабужск. земск. управа, 1886. С. 67–68) (Примечание О. М.).

⁷ «Образование» – педагогический и научно-популярный журнал, посвященный вопросам воспитания и обучения, либерального направления (Санкт-Петербург, 1892–1909) (Примечание О. М.).

⁸ Приднестровский край, 1901, № 1328 (Примечание Н. Р.).

⁹ «Приднестровский край» – ежедневная внепартийно-прогрессивная, политическая, экономическая, общественная и научно-литературная газета (Екатеринослав, 1901–1916) (Примечание О. М.).

¹⁰ Русско-японская война 1904–1905 гг. (Примечание О. М.).

тех книг, которые вышли в свет еще до момента остановки, а больше всего тех, которые признаны особенно вредными. Читающая толпа увеличивалась бы даже и тогда, если бы из всех среднеучебных заведений были изгнаны и ушли все те, кто желает читать книги русские, а не на латинском и греческом языках. И этого массового нарастания читателей ничто не может остановить, и до сего времени еще не придумано такой силы, которая уничтожила бы в людях стремление к знанию, истине и справедливости. Да и такой общественной группы в настоящее время быть не может, которая смогла бы и сумела совершить это невозможное и преступное дело. Если и идет в настоящее время кое-где борьба читателя за свое читательское существование, настроение и права, то эта борьба выражается уже не остановкой читательства, а лишь частным, местным и кратковременным замедлением его нарастания, и невыгоды этих задержек и остановок обрушиваются обыкновенно в конце концов на голову их же виновников, потому что читающая толпа старается наверстать при первом удобном и даже неудобном случае то читательское время, которое она потеряла не по своей вине; настроение, охватывающее ее в эти минуты или накануне их, не служило еще, к сожалению, объектом научного изучения. Но если бы это было сделано кем-либо и когда-либо, несомненно, оно показало бы, что искусственные и временные задержки и остановки читательства способны создавать лишь негодование, ненависть и злобу. Читатель нарастал и нарастает всегда, если не явно, то тайно, хотя и не везде одинаково быстро. Не всегда и не для всех это нарастание является желательным, и тем более нарастание ничем не регулируемое, – не регламентируемое, без шлюзов и отводных каналов. Но в том-то и состоит стихийность этого явления, – что никакие регламентации и нормировки здесь совершенно немислимы и неприложимы. Развитие читательства может идти только в своем собственном направлении, и ни в каком другом. Истории знакомы многочисленные и могучие попытки «руководить наличностью печатного материала» и тем способом непосредственно влиять и на качественную сторону тех фактов и идей, которые из книги или газеты поступают в обыденный обиход читающей толпы¹¹, мы детально разобрали этот вопрос на примерах известного изыскания из общественных библиотек целого ряда дозволенных цензурой книг. Такие попытки неоднократно проделывали государства Западной Европы; их проделывают и нынешние американские архимиллионеры, содержащие у себя на жалованье целый ряд газет. Но все эти попытки не увенчались и не могли увенчаться успехом. «Задаваясь целью руководить печатью,

направлять художественную и научную литературу страны в известную сторону, говорит профессор Н. Коркунов, государство брало на себя совершенно непосильную задачу. Государство, как носитель принудительной власти, не может быть достаточным авторитетом в вопросах научной истины или художественной правды. Вступаясь в литературные и научные споры, оно только дискредитирует само себя. В своих запретах, налагаемых на новые идеи, стремящихся проникнуть в печать, правительство слишком часто оказывается неправым и вынужденным уступать и тем ронять свой собственный престиж. А между тем это неизбежно, так как пока не угаснет совсем в человечестве художественное творчество и научная мысль, они все будут развиваться и невозможно будет найти готового, окончательного, объективного мерила истины и правды. Сама мысль придать искусственными, принудительными мерами человеческому мышлению наперед определенное направление, совершенно несостоятельна. Никогда не завершится вполне духовное развитие человечества; мы не достигаем всей, полной истины. Так какое же право имеет кто-либо, опираясь на частичное, неполное знание данной минуты, класть пути на дальнейшее развитие человеческого духа»?¹² Долгий опыт истории свидетельствует, что стеснения читательства путем стеснений литературы, «наноса вред народному развитию и вообще умственной деятельности, никогда не достигает своей цели преградить доступ идеям, признаваемым вредными». Эти последние находят тысячи путей, чтобы проникнуть в читающую толпу. Другими словами, качественный рост читающей толпы, как и количественный ее рост, не поддается никаким урегулированиям и «нормировкам»... История всех времен и народов дает один и тот же ответ, который лишь укрепляет глубокую и светлую веру в силу книг и вместе с тем веру в лучшее будущее. Пусть экономическая история нашей многострадальной родины за последние 10 лет богата целым рядом грустных фактов и пестрит «недородами», неурожаями и хроническим недоеданием и голодовками трудящихся классов; пусть «воспособления родимой промышленности», сахарные, нефтяные, железодельные и иные синдикаты поглощают миллионы за миллионами народных денег; пусть другие сотни миллионов идут на платежи процентов по внутренним и внешним займам и на поддержку железных заводов и железных дорог; пусть не хватает иной раз денег на школы и библиотеки, пусть они считаются кой-какими

¹¹ В нашей статье «Опыт регламентации книжного обращения» (Право, 1904, № 28–31) (Примечание Н. Р.).

¹² Коркунов Н. М. Русское государственное право / [сочинение] Н. М. Коркунова. Изд. 4-е (без существенных перемен). Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1901–1903. Т. 1: Введение и общая часть. 1901. С. 451 (Примечание Н. Р.).

реакционерами, «несоответствующими нуждам населения», – все равно, читатель на Руси растет и растет, и не только растет, но, как увидим ниже, и думает свою думу. Думают даже те, кто по своей безграмотности стоит за пределами грамотного круга.

Сделав это маленькое отступление, возвратимся к предмету нашей лекции. Мы видели, что *чтение неграмотных* или, точнее говоря, *слушание чтения*, – это первый этап читательской выучки. В настоящее военное время известия о войне и «собственные соображения» о значении и полезности нынешней войны захватили таких неграмотных читателей, которые тоже «думают свою думу», и быть может, не десятки миллионов их, а и более сотни. И вряд ли можно сомневаться, что при этом и благодаря этому в неграмотной толпе и распространяются именно те идеи, которые наиболее соответствуют насущнейшим и неотложнейшим нуждам этой самой толпы, и, разумеется, в конце концов, сделают свое историческое дело...

Этим, так сказать, внутриобщественным накоплением читательской энергии, т. е. знания, понимания и настроения, и объясняется, между прочим, тот факт, что после тяжелых годин духовного гнета общественное сознание расцветает как бы вдруг, внезапно и выступает на сцену истории в полном вооружении и с ясно и точно сформулированными тезисами. И чем точнее эти тезисы, тем они страшней для его неразумных противников, и песенка этих последних уже спета, если общественное сознание захватило круги трудящегося люда...

Правда, из вышеприведенных слов профессора Коркунова, разумеется, еще не следует, что цензура безвредна. Но из них следует, что она в конце концов все-таки бессильна... И из самого этого факта ее бессилия не может не быть очевидным самый вред всех ее стремлений остановить естественный ход вещей.

Какими же цифрами выражается в настоящее время круг собственно читателей и с какой быстротой идет теперь его расширение? Если судить о грамотности Руси по грамотности новобранцев, то за десятилетие 1886–1896 гг. читательские границы расширились. В 1886 г. процент читателей во всей Руси не мог превышать, по этим данным, более 27,8 % населения, и даже в земских губерниях не мог подняться выше 30,4 %. Десять лет спустя он уже возрос до 40,2 % для всей России и до 44,9 % для земских губерний. Наростание это – довольно значительное, и во всяком случае оно шло быстрее, чем в десятилетие предшествующее, а за последние пять лет, судя по некоторым данным, оно пошло еще быстрее. Лишь в одном

царстве Польском за указанный промежуток времени грамотность не только не шагнула вперед, но даже шагнула назад на целых 0,6 %. Но, разумеется, случай этот исключительный не только в России, но и во всем мире и во всей истории новейшего времени, и объясняется он исключительными причинами, историческими судьбами польского народа, которому вряд ли кто осмелится поставить в вину этот шаг назад. Судя по частным данным переписи 1897 г., насколько эти данные за последние семь лет успели увидеть свет, общая грамотность населения России менее значительна, чем грамотность новобранцев, и из 130 миллионов населения имеют возможность сделаться читателями не более 40–45 миллионов человек. Остальные 90 миллионов, как мы видели, могут иметь лишь читательское настроение, могут быть читателями лишь из вторых рук, но тем не менее и они мучаются и волнуются своими не удовлетворимыми при наличных условиях стремлениями к книге, и книжные идеи могут быть не чужды и им...

На вышеприведенных цифрах следует немного остановиться. Если сопоставить их с явно выраженной и очень напряженной потребностью народа как в школе, так и в книге, нельзя не видеть, что расширение границ читательства идет не с такою скоростью и напряженностью, как, по-видимому, можно было бы ожидать. Сама собою возникает в голове мысль о каких-то особенных условиях, которые тем или иным способом препятствуют этому наrostанию читателей, словно этот поток живой воды, текущей из глубины человеческих душ, стремление к знанию и книге вдруг попадает в какое-то узкое и тесное ложе и течет по этому ложу то под землей или под сводами, изредка прорываясь на божий свет. Посмотрим же и на общие причины, влияющие на количественные и качественные стороны читательского наrostания, и в общих цифрах и фактах попробуем восстановить перед собой этот процесс.

Об одном из коренных условий, влияющих на наrostание читательства, и быть может, условия самом главном, дает нам понятие сравнение % грамотности в губерниях земских и не земских. Мы видели уже, что в первых – предел читательского наrostания расширяется быстрее, чем во вторых: за то же десятилетие, как уже было упомянуто, число грамотных новобранцев в земских губерниях увеличилось на 14,5 % а в не земских лишь на 12,6 %. В земских губерниях быстрее растет и число школ, и число учащихся в школах, среди которых процент учащихся девочек выше, чем % их в школах губерний не земских, – фактор,

имеющий весьма большое и плодотворное влияние на развитие грамотности. Наконец, в земских губерниях быстрее увеличивается число школьных и иных библиотек и других учреждений, помогающих наrostанию читателей¹³. С качественной стороны, и школы, и библиотеки губерний земских, как показало известное исследование Императорского Вольно-экономического Общества и единогласно свидетельствуют официальные исследователи, стоят на значительно высшей ступени, чем школы и библиотеки губерний не земских. Вряд ли можно сомневаться, что причины такого различия нужно искать прежде всего в особенностях учреждений, отношения населения к ним и влияния на них и через них: даже ограниченное и стесненное самоуправление губерний земских значительно больше помогает наrostанию грамотности, а значит, и читателей, чем управление губерний не земских. «Этот факт, – справедливо говорят авторы приложений к известной книге Левассера о народном образовании, Г. А. Фальборк и В. И. Чарнолуский¹⁴, – представляется одной из многих иллюстраций, доказывающих огромное влияние политических и общественных факторов на дело народного образования», а значит, и на нарастание читателей. И не только этот факт. Влияние тех же общих причин сказывается и многими другими способами. Те же причины отражаются и на ассигновках государства на народное образование, и на распределении их между ведомствами, и на типах школ, и на «духе» и программах их, на общем направлении их, чаще всего препятствующем развитию в учащихся страсти к чтению. Те же общие причины сказываются и на размерах ассигновок местных учреждений на народные школы и библиотеки, и в инцидентах с этими ассигновками, как было в 1889 г. и следующих годах, например, в Харьковской, Курской и других губерниях. Те же причины отражаются на составе народных библиотек и читален, и на подборе книжек для народных чтений, и на изъятии целого ряда известных и даже классических авторов

из общественных библиотек. Они же сказываются и на личном составе библиотечных комитетов и комиссий народных чтений¹⁵, на отношении цензуры к книгам, на условиях, в которых находится книжная торговля, особенно торговля в разнос, и пересылка книг по почте, стесненная высокой почтовой таксой, на количестве и качестве книг, поступивших на рынок, с одной стороны, и на бумажные фабрики для их переработки в бумажную массу – с другой и пр. и пр. Те же причины сказываются на самой личности читателя, на ее гражданском облике, ее способности к инициативе, ее самостоятельности. Те же общие причины в одних странах делают из человека гражданина, в других – обывателя щедринского

¹⁵ Не говоря о разных не утверждениях, отметим такой факт: В 1897 г. Курское губ[ернское] земство обратило внимание на неблагоприятные условия, которыми обставлено, по действующим министерским распоряжениям, открытие библиотек, и возбудило ходатайство о том, чтобы наблюдателями библиотек могли быть, не только лица духовного и учебного ведомств, что обусловлено Правилами 1890 г. 15 мая, но и земские начальники, попечители школ, землевладельцы, нравственная и политическая благонадежность коих будет надлежащим образом удостоверена. Однако, ходатайство это до сих пор (1900 г.) остается без ответа, а с 1899 г. новым административным распоряжением Главного Управления по делам печати поставлено в особо стеснительные условия и само содержание и заведывание библиотек уже открытых. Главное Управление разъяснило в своих циркулярах, что являются незаконными все уставы народных библиотек, по которым (т. е. уставам) заведывание ими поручается не одному лицу, избираемому учредителями, а нескольким лицам, составляющим совет или попечительство библиотеки, а такие именно уставы действуют в Курской и др. губерниях и утверждены губернатором. Циркуляром Главного Управления не допускалось заведывание земской народной библиотекой через какую-либо комиссию или попечительство, а необходимо должно было вверяться только одному лицу, которое губернатор утвердит в качестве ответственного лица. Земское собрание, принимая во внимание, что такое распоряжение Главного управления не согласовано с Положением о земских учреждениях и с правом хозяйственной самостоятельности последних, ни с Уставом о цензуре и печати, где ни слова не говорится о незаконности коллективного заведывания библиотекою, ни даже с Правилами о народных библиотеках 15 мая 1890 г., которые также ничего не говорят об обязательности единоличного заведывания библиотеками, – постановило обжаловать распоряжение Главного управления в сенате, как противоречащее Положению о земских учреждениях и не основанное на Уставе о цензуре и печати, Высочайшей волей до настоящего времени не отмененного, и ходатайствовать об отмене административных распоряжений М[инистерства] В[нутренних] Д[ел] «касательно библиотек» («Пет[ербургские] вед[омости]» 1900, № 342). Как известно из газет, циркуляр Главного управления по делам печати в настоящее время отменен (Примечание Н. Р.).

¹³ На 3000 рублей расхода приходится на народное образование в земских губерниях 174 руб., не земских – 81 руб. В земских губерниях расходует на народное образование более 16 млн руб. ежегодно, т. е. 15,9 % бюджета (Р[усские] вед[омости], 1902, № 1) (Примечания Н. Р.).

¹⁴ Речь идет о об этом издании: Левассер Эмиль (1828–1911). Народное образование в цивилизованных странах : в 2 т. Т. 1–2 : с прил. ст.: 1) Народное образование в Швейцарии Г. Фальборка и В. Чарнолуского; 2) Народное образование в Финляндии В. Ю. Скалона; 3) Народное образование в России Г. Фальборка и В. Чарнолуского / [соч.] Э. Левассера, вице-президента Междунар. стат. ин-та, проф. Collège de France. Санкт-Петербург, 1898–1899. (Издание О. Н. Поповой / ред. Г. Фальборка и В. Чарнолуского ; № 1) (Примечание О. М.).

типа¹⁶, а то и просто-напросто жалкого, забитого, запуганного холопа и раба. Они же создают людей «в футляре»¹⁷, они же обуславливают их деятельность, их вкусы, их запросы к книге, их выбор книг, их стремления и мечты. Они же накладывают свою, иной раз тяжелую руку на мысль и даже совесть человека, силком отгоняя его, так сказать, от одной веры, вгоняя в рамки другой; регламентируя словно железной уздой и мысль, и слово, и действие одних мыслящих человеческих существ по казенной, иногда совершенно условной мерке других таких же. Словом сказать, те же общие причины создают ту общую атмосферу, которая способна то поддерживать, то глушить, то помогать росту, то искоренять самые лучшие и высокие стремления и отдельной личности, и толпы их, и даже целого народа, искусственно охраняя его от лучшего будущего, искусственно загоняя его «в глубину отживших времен»...

В нашей краткой лекции нет возможности подробно рассмотреть все влияния данного фактора. Остановимся лишь на некоторых из них...

Говорят, что о расширении круга читателей можно до некоторой степени судить по расширению расходов на народное образование. Всеподданнейший доклад г[осподина] министра финансов о государственной росписи на 1902 г. свидетельствует, что «если сравнить расходы (всех ведомств) на учебное дело в 1902 г. с расходами, произведенными по тем же сметам и на те же предметы 10 лет назад, то оказывается, что расходы 1902 г. (74,8 млн рублей) ровно вдвое превышают те же расходы 1892 г. (37,4 млн рублей)». Но и эта сумма составляет ничтожный % бюджета (около 4 %), считая в том числе дорогостоящие высшее, среднее и специальное образование. Так как за этот промежуток времени число учебных заведений и учащихся в России увеличилось далеко не в той же пропорции, как расходы на них, да и качественные улучшения, достигнутые за это время, вряд ли способны объяснить это нарастание расходов, то отсюда можно заключить, что рост расходов на учебное дело далеко не выражает собою роста народного образования, и организация надзора за учебным делом, в сущности, поглощает львиную долю тех самых средств, которые должны бы

были идти на расширение его¹⁸. Вряд ли можно отрицать, что этот небезынтересный факт должен быть отнесен к той же категории условий, как и те, которые перечислены выше...

За всем тем какой бы солидной ни казалась эта сумма 74,8 миллиона, идущая на учебное дело, вряд ли она может затушевывать тяжелое впечатление, которое производит статистика школьного образования. Начальное школьное образование во всяком случае занимает в настоящее время одно из последних мест в государственном бюджете и, сопоставляя его с нарастанием общего государственного бюджета, мы увидим, что он, пропорционально, не только не увеличивается, но уменьшается. В начале XIX столетия бюджет министерства народного просвещения составлял 2,5 % всего государственного бюджета; в 1898 г. он составлял 2 %, т. е. относительно меньше; в 1901 г. он был опять урезан на 100 000 руб., и отношение еще понизилось в 1900 г. до 1,9 %, а в 1901 до 1,8 %. Даже принимая общую цифру, сообщаемую в докладе г[осподина] министра финансов, мы увидим, что в 1892 г. общие расходы всех ведомств на народное образование составляли 3,8 %, а в 1902 г. 3,7 %. Объясняется это вероятно тем обстоятельством, что России были нужны деньги на Маньчжурию, Порт-Артур и 90 миллионов на броненосцы. Число школ на Руси, как известно, непомерно мало сравнительно со всеми другими государствами мира. К 1 января 1899 г., судя по последнему официальному отчету, во всей Российской империи состояло в ведении министерства народного просвещения всего 29 869 сельских училищ. Даже в Европейской России одна школа этого ведомства приходится почти на четыре тысячи жителей. Немудрено, что один мой заочный знакомый, крестьянин Новгородской губернии, на мой вопрос, много ли школ в их краях, простодушно написал мне в ответ: «школы в наших краях имеют распространение „далекое“, потому что „от школы до школы больше 40 верст“». Что касается до широкого распространения школ, то таковое во многих и многих, даже земских губерниях, крестьянам еще неизвестно до сего дня... Такое же «далекое» распространение имеют и школы церковно-приходские, лишь с той разницей, что их распространение, в действительности, еще более «далекое», чем на бумаге. Что касается до школ грамоты, то за 12 лет своего существования под эгидой другого ведомства они не только не проявили заметных признаков улучшения, но, по-видимому, из дела общественного сделались каким-то делом домашним, а сделавшись,

¹⁶ Салтыков-Шедрин М. Е. (1826–1889), писатель, публицист, государственный деятель, редактор, известный своими сатирическими романами, бескомпромиссной критикой имперской бюрократии и «обывательского невежества» (Примечание О. М.).

¹⁷ «Человек в футляре» – рассказ А. П. Чехова (1860–1904), напечатанный в журнале «Русская мысль» в июле 1898 г. (Примечание О. М.).

¹⁸ В 1900 г. казенный расход на содержание дирекции и инспекции народных училищ составлял около 24 % всего бюджета на народное образование (762 467 руб. 80 коп.) из 3 222 289 руб. 16 коп. (См.: «Р[усские] вед[омости]» от 08.03.1902) (Примечание Н. Р.).

кроме того, тягостной обузой для их руководителей, сошли во многих местах «на нет». В результате, одна школа всех ведомств, не исключая значащихся в бумажных отчетах школ грамоты, приходится теперь в России на 237 квадратных верст и на 1 652 души населения. Немудрено поэтому, что около ста миллионов живых людей, таких же, как мы с вами, до сего времени отрезаны от книги, и некому показать им и разъяснить, что значат каких-нибудь три десятка крючков и завитушек, называемых буквами, словно это огромный, непреодолимый труд. К 1 января в России в школах всех ведомств было на 130 миллионов населения 4 203 246 учащихся. В Японии населения почти в три раза меньше, но еще в 1888 г. учились в английских школах свыше 3 миллионов детей. Что касается числа школ воскресных, то оно еще в 1901 г. не превышало ничтожной цифры 319 с 65 000 учащимися. Число народных библиотек еще меньше, чем школ: их насчитывается не более 7 000 на всю Россию, о школьных же библиотеках и говорить не приходится, – даже в библиотеках земских школ насчитывается, на круг, всего по три книжки на 1 учащегося. В одной провинциальной газете кто-то высчитывал года полтора или два тому

назад, сколько можно бы было понастроить школ и на какой % увеличилось бы число читателей на Руси, если бы вложить теперь же, неотложно, без отговорок, в школьное и библиотечное дело те десятки миллионов, которые ушли, например, на восполнение железнодорожным и иным заводам, на русско-китайскую войну, или если бы на это дело были затрачены те 44,8 миллионов из свободной наличности, необъяснимое исчезновение которых констатировал г[осподин] Л. Бух¹⁹ в мартовской книжке «Вестника Европы»²⁰ за 1901 год²¹.

Результаты этого подсчета получились очень наглядные. Из них яснее божьего дня видно, что нарастание русского читателя замкнулось в узком круге 40–45 миллионов грамотных лишь по совершенно случайным и искусственным причинам, не имеющим ничего общего с естественным ходом народного просвещения и стремлением народа к книге... Если должно быть отнесено к стихийным явлениям нарастание читателей, то никоим образом не может быть отнесено к той же категории явлений распределение расходов по бюджетным статьям и другие внешние условия читательской выучки, о которой была речь.

¹⁹ Бух Лев Константинович (1847–1917), экономист, революционер, публицист, издатель (Примечание О. М.).

²⁰ «Вестник Европы» – литературно-политический еженедельник умеренно либеральной ориентации, выходивший (Санкт-Петербург, 1866–1918), продолжал традицию одноименного журнала, основанного в 1802 г. Н. М. Карамзиным (Примечание О. М.).

²¹ Как известно, вопрос об этих миллионах так и остался невыясненным. В. П. Вахтерев высчитывал, что для введения всеобщего обучения по всей России требуется около 25 млн руб. (Примечание Н. Р.).